

Дар Божий

Пирогов
 Михаил
 Григорий

Чей бас был слышен по России всей

Александр, Михаил, Григорий, Пелагея и Алексей Пироговы с матерью

Поэтому Александр пел в хоре Спасского монастыря, находившегося рядом с собором. Григорий же и Михаил выступали в хоре у папы как солисты, но изредка. Григорий - когда приезжал в Рязань. Михаил - как соборный протодиакон. Исполняемыми произведениями были: "Блажен муж" П. Чеснокова "Ныне отпускаеши" И. Строкина, "Спаси, Боже, люди Твоя" П. Чеснокова. В хоре у отца было пятьдесят певцов. Были прекрасные голоса: в басах - Баландин, Кузь-

МНЕ хочется поделиться воспоминаниями о каждом из Пироговых отдельно. Степан Иванович Пирогов был главой семьи. Отец братьев Пироговых был строг, любил порядок во всем, был угрюм, сдержан. Как истинно верующий, он чтит праздники, соблюдал посты, но в церковном пении участия не принимал. В Борисоглебском соборе у него было свое место (близ левого придела), где он выстаивал церковные службы от начала до конца. Его место в церкви так и называлось "Пироговским". Помнится, как-то, уже много позже его смерти, в хор пришел Александр Пирогов.

Посмотрел на место своего отца, взволновался. "Посмотрите, Дмитрий Константинович, обратился он к моему отцу, - на месте моего родителя стоит мужчина, очень похожий на него! Даже жутко становится!" И действительно, мужчина был похож на отца Пироговых. Но, несмотря на волнение, пел Александр в тот день великолепно.

Остались в памяти и похороны Степана Ивановича. На них приехали все сыновья. Отпевание было в Борисоглебском соборе. В церковной службе участвовал Михаил, остальные стояли у гроба. Григорий вышел читать заупокойный Апостол: "Братие, не хочу вас не вести об умерших..." - начал он весьма сдержанно. В его голосе чувствовалось беспредельное горе, не раз он глушился внутренним спазмом от подступившего рыдания. Григорий закончил Апостол на среднем по высоте звуке: "...и тако всегда с Господом будем!" И ему сделалось дурно. Потом он долго сидел перед гробом своего отца.

ГРИГОРИЙ был одной из самых примечательных личностей среди братьев как по вокальным данным, так и по самобытности характера. Петь он начал рано, едва "прорезался" голос, и первое его приобщение к церкви было в хоре сельской церкви ушки села Заборье, что близ Солотчи. Жила в то время семья Пироговых в селе Новоселки, что в 20 км от Рязани вверх по Оке. Когда семья Пироговых переехала в Рязань, Григорий стал приходить в соборный хор.

Писать о голосе Григория Пирогова можно только в превосходной степени. Несомненно, у него был феноменальный по силе и диапазону голос (по сравнению с братьями).

Изумительной красоты, сочный, бархатный тембр звука был присущ всему его широчайшему диапазону от "ля" контроктавы до "ля"

Дом над Трубежем

первой октавы. Пел он свободно, непринужденно, как бы наслаждаясь своим голосом, и, казалось, нет предела его диапазону. Звучал голос ровно и мощно. Потому так легко давались ему баритоновые партии и партии низкого баса.

МИХАИЛ Пирогов избрал служение дьякона, чем, кстати, был очень доволен его отец.

Когда Михаил пел молитву "Спаси, Боже, люди Твоя" П. Чеснокова, которую, по

правилам, был должен провозглашать перед иконой Спасителя на амвоне, то приходил в хор, так как на далеком расстоянии от хора он расходился с ним в темпе. Видно, ему было трудно слушать, что поет хор, и петь в это время самому. В хоре же он смотрел не столько в ноты, сколько на моего отца, однако "финал" звучал у него свободно и мощно. Прожил Михаил 46 лет. Умер, угорев дома от рано закрытой отдушины печи.

АЛЕКСЕЙ Пирогов внешне, особенно лицом, был похож на своего родителя: Разговаривал, в отличие от братьев, басом. В пении тембр его голоса напоминал тембр Александра, но как бы в "разжиганном" виде. По мощи звука он уступал своим братьям. С 1933 года Алексей пел в Большом театре под фамилией Пирогов-Окский и исполнял довольно сложные для баса партии классического репертуара, например, партию Ивана Грозного в опере Римского-Корсакова "Псковитянка". В церковный рязанский хор он приходил реже своих братьев, иногда с кем-нибудь из них. Приходил, чтобы спеть соло. Почти всегда отец давал ему "Ныне отпускаеши" И. Строкина.

МЛАДШЕГО из братьев звали Александром. Мне довелось общаться с ним больше, чем с другими. При приезде в Рязань Александр не упускал случая, чтобы прийти в церковь. За всенощной он пел "Блажен муж" П. Чеснокова, "Ныне отпускаеши" И. Строкина. На литургии пел "Верую" А. Архангельского, "Тебе поем" А. Степанова, выходил читать Апостол. Иногда он выстаивал обедню целиком. Вершиной его артистического мастерства в церковном пении было чтение за всенощной Паримий. Это была поистине трогательная, великая минута.

Для чтения Паримий Александру ставили на середине храма (на архиерейском возвышении) аналой, на который клали "Деяния святых апостолов". Александр поднимался на возвышение и становился виден всем присутствующим в церкви. И тут, при всеобщей тишине в храме, начинались реплики между диаконом и чтецом. Вначале Александр как бы "свеживался". Но стоило диакону с амвона дать реплику (обычно на форте и на высоком звуке) "Премудрость", как Александр сразу выпрямлялся, вырастал на глазах и пел ответную фразу на более высоком звуке: "Ко римлянам послание святого апостола Павла чтение". Диакон вновь давал реплику (но теперь уже на самом низком звуке) "Вонмем". Дав ему дотянуть до конца, Александр начинал всегда более низкой нотой: "Братие..." Он тянул долго, мощно, наполняя всю церковь своим голосом. А в церкви в это время стояла особая тишина. До сих пор удивляюсь, как это прихожане после последнего, заключительного, звука Александра сдерживали себя от аплодисментов. Все были заморожены голосом Александра.

Статный, широкоплечий Александр Пирогов покорял своей скромностью и обаянием. Вел он себя с хором просто и свободно, как будто работал с ним все время, а не был известным певцом. С мужчинами здоровался за руку, в сторону женщин делал поклоны с приветливой улыбкой. Приход Александра был праздником для всех певчих. Хор очень любил его.

КОГДА я переехал из Рязани к родственникам в Москву, моим постоянным желанием было слышать хотя бы по радио своих земляков Пироговых. Я следил по афишам за их выступлениями в операх и концертах, и бывал на них, не упуская случая, но на личную беседу не решался. Впервые в Москве я слушал Александра Пирогова в Большом зале консерватории.

Когда я встретился с Александром, он стал расспрашивать о моих родных, вспоминать Рязань. И я видел перед собой не известного артиста, а доброго земляка, близкого мне человека. Много позже я встретился с Александром в иной ситуации. В Большом театре. Я стоял в почетном карауле у гроба Александра Степановича. Весь засыпанный цветами, он лежал со спокойным выражением лица человека, сделавшего все, что он мог. Человека, сделавшего свое доброе дело в русском искусстве.

А МОЖЕТ быть, в нашей огромной России где-то в глубинке и сейчас есть голоса, подобные Пироговым. Только не слышим мы их пока. Милая, щедрая на таланты Рязань! Дашь ли ты нам новых таких певцов? Таких же голосистых, таких же щедрых, с прекрасной русской душой?..

Материал о рязанских братьях-певцах Пироговых, известных не только в России, но и далеко за ее пределами, печатается впервые. Это эксклюзивное право нам предоставила недавно пришедшая в редакцию Галина Герасимовна Полякова, племянница автора предлагаемой вам статьи. Галина Герасимовна принесла в "Благовест" рукопись-воспоминание о братьях Пироговых потому, что много места в ней уделялось церковному пению знаменитых певцов.

Сергей Дмитриевич КРОТКОВ, сделавший эти записи, не случайно обратился к церковной стороне музыкальной деятельности братьев Пироговых. Его отец был регентом рязанского кафедрального собора. Сам Сергей Дмитриевич руководил хором "Православный партер" в Москве будучи профессором, преподавал в Университете культуры.

В воспоминаниях о братьях Пироговых вы встретитесь не только с биографическими сведениями, описанием вокальных данных знаменитых певцов. Вы перенесетесь в Рязань довоенную и послевоенную, почувствуете самобытность и колорит атмосферы того времени.

МОЯ профессия - хоровой дирижер. Поэтому, естественно, я пишу о певцах. Отец, кого Господь награждал уникальными вокальными данными и художественным талантом, что дало им возможность прославить Россию перед всем миром. Такимилюдьюми были мои земляки-рязанцы братья Пироговы.

Наша семья достаточно долго соприкасалась с Пироговыми, потому что мой отец до революции был регентом рязанского Успенского кафедрального собора. И поэтому мне интересно вспомнить о той стороне деятельности Пироговых, что долгое время оставалась в тени, - об их пении в церковном хоре.

До недавнего времени петь в церкви считалось позорным и не советовалось. А между тем для многих именно церковный хор стал хорошей школой певческого искусства.

Долгое время пел в церковном Санкт-Петербургском хоре Григорий Степанович Пирогов, старший из братьев. В гимназические годы пел в хоре Спасского монастыря Рязани Александр Пирогов. Постигал певческое искусство в церковной службе и Михаил Пирогов. Разливались в церковных стенах великодушные мощные басы широчайшего диапазона, чарующего тембра, пленявшие, как теперь говорят, "пироговской" кантиленой. Пироговым не надо было заниматься "постановкой" голоса. Господь дал им все для оптимально правильного добротного пения.

...ЕСТЬ домик на окраине Рязани, он стоит у обрыва к реке Трубеж. Рядом с домиком - церковь Святого Духа. В доме два этажа. Верхний занимала наша семья. Было в ней девять человек. Частенько, особенно в праздничные дни, у нас собирались музыканты и певцы, служители церкви, регенты рязанских церквей (Рябцев, Чернышов, Леонов, Лагов). Шли долгие беседы о хоровом искусстве. Посещали наш дом и братья Пироговы. Иногда, собравшись вместе, мы шли гулять в луга. Помнится, Михаил Пирогов говорил: "Ну вот, через часок, как мы придем в Луковский лес, слушайте нас с балкона, как мы будем петь." И мы слушали, как разливались вдали мощные басы...

Александр Пирогов в то время заканчивал Рязанскую гимназию, где учился в одной группе с моим старшим братом Константином. К моему отцу Александр приходил отдельно для того, чтобы "заниматься пением". Но по сути, они только разучивали романсы. Помню, как Александр учил романс "Ах, ты, солнце красное". Однако в соборный хор отец его не принимал, считая, что голос по тембру будет выделяться из басовой хоровой партии (отец говорил, что у братьев "дикий голос").

мин, в тенорах - Иванов, Гречишев, в альтях - Иванова, Любская. В 20-х годах в Рязани был страшный голод, и мы жили в селе Пуятинно Рязанской губернии. В 1925 году мы возвратились в Рязань. И наша связь с Пироговыми возобновилась. Рязанский собор был уже закрыт и архиерейская кафедра перешла в храм Бориса и Глеба. Примерно

Михаил Пирогов

в двухстах метрах от Борисоглебского собора по Трубежной улице стояли два полутораэтажных домика. На одном из них значилось: "Дом братьев Пироговых". К сожалению, сейчас домиков нет. Властные органы, под предлогом расширения территории для соседнего завода, приказали их снести. Видные музыкальные деятели Рязани А. Новиков, Е. Попов, П. Барчунов обращались лично к секретарю обкома с просьбой дом сохранить как культурно-историческую память, но их доводы не подействовали. И теперь на месте дома знаменитых братьев - заводской забор.

Дом был расположен очень удобно. Рядом с ним был Борисоглебский собор. Я всегда старался попасть к ним, просил взять с собой, куда бы они ни шли (отпуск Пироговы проводили в Рязани). Звали меня братья Сержилом. Играя в городки и услышав благовест, они тотчас игру оставляли и обращались ко мне: "Сержик, пойдём попеть!" (в церковном хоре я был раздатчиком нот). Собираясь на службу, они договаривались между собой, кто и что будет петь в хоре, кто прочтет Апостол или Паримий, на какой ноте Михаил закончит Евангелие... В храм они шли с благоговением. Надевали для этого белые брюки и белые парусиновые ботинки. Их появление в храме всегда было событием радостным как для хористов, так и для прихожан. Женщины, узнав, что будут петь Пироговы, говорили друг другу: "Девочки, берегите уши!"

02.97.

133